

[Главная](#) > Встречают по одежке? Часть 2.

Встречают по одежке? Часть 2. | Une apparence trompeuse. Partie 2

Автор: Наталья Беглова, Женева, 4. 10. 2017.

Современный вид Женевского университета (© N. Beglova/Nashagazeta.ch)

Мы [продолжаем](#) начатую вчера публикацию о том, как жилось российским студентам в Женеве сто лет назад. И не только.

|

Nous poursuivons l'article commencé hier sur la vie des étudiants russes à Genève il y a cent ans. Et

pas seulement.

Справедливости ради надо отметить, что не только Женева не любила русских, но и русские платили ей тем же. Возьмем того же Владимира Ильича, проведенного в Женеве в общей сложности четыре года. В одном из писем к Луначарскому, с которым он, кстати познакомился именно в Женеве, Ленин писал: «Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву!». Луначарский вторит Владимиру Ильичу и не скупится на нелестные слова в адрес города, где «самый ход жизни женевских мещан похож был на ход изготовляемых ими часов».

Почему же, спрашивается, столько русских «мучились» в этом скучном городе, а не отправлялись в эмиграцию куда-то в другое место, менее «мещанское»? Как признавал тот же Луначарский, происходило это потому, что более либерально, чем в Швейцарии и особенно в Женеве, к эмигрантам и тем более к потенциальным революционерам нигде не относились. От нашедшего прибежище в Женеве требовали немного: исправно платить налоги и соблюдать определенные правила общежития. К гостеприимству обязывал и нейтральный статус Швейцарии, гарантированный Венским конгрессом 1815 года, и создание в 1863 году в Женеве Международного Комитета Красного Креста, провозгласившего своей целью защиту гуманитарных ценностей и взявшего своим девизом слова «Все мы братья».

Немаловажным фактором было и то, что Отделение по охране общественной безопасности и порядка Российской империи (известное, как просто охранка), орган Департамента полиции Министерства внутренних дел, занимавшийся политическим сыском, не имело таких тесных связей со швейцарской политической полицией, как скажем, с французской. Не случайно поэтому особенно активно за русской эмиграцией следили из соседнего с Женевой городка – Аннамаса. Его специальная политическая служба имела гораздо больший штат, чем аналогичная служба Женевы, и в ее задачу входила слежка за неблагонадежными гражданами Российской империи, окопавшимися в Женеве.

Надо сказать, что, начиная с середины 1870-х годов, хлопот и у французской, и у женевской полиции значительно прибавилось. Если раньше объектами слежки были в основном мужчины, то теперь среди русских эмигрантов, и особенно среди студентов, появилось большое количество особ женского пола, не вызывавших большого доверия.

Тут следует отдать должное женевским женщинам: именно их заслуга в том, что русские студентки смогли учиться в Женевском университете. В 1872 году в Большой Совет – главный законодательный орган кантона Женевы – была подана соответствующая петиция, которую подписали 35 местных дам. Интересно, то были не молодые девушки, а «женщины Женевы, матери семейств» – так они обозначили себя в прошении. Не сумев сами получить высшее образование, они хотели добиться этой возможности для своих дочерей. В Женевском парламенте прошли бурные дебаты: демарш женевских женщин поддержал такой выдающийся философ с международной репутацией как Карл Вогт – кстати, современное здание городского университета расположено на бульваре, носящем его имя.

В итоге 19 октября 1872 года был принят закон, в соответствии с которым женщины наравне с мужчинами могли получать высшее образование. Интересно, что данное решение совпало с рождением самого Женевского университета, до этого именовавшегося Академией. Таким образом, Женева стала вторым после Цюриха городом Швейцарии, открывшим двери высших учебных заведений для женщин.

Парадоксально, но плодами этого вновь установленного равенства воспользовались в первую

очередь не те, кто его добивался: если швейцарских девушек в Женевском университете можно было пересчитать по пальцам, то количество русских, украинок, полячек, литовок, армянок, евреек не переставало расти. Большое количество студенток из Российской империи объяснялось прежде всего тем, что на родине получить высшее образование они практически не могли. Единственным исключением были Санкт-Петербургские высшие женские курсы, основанные в 1878 году и вошедшие в историю как Бестужевские. Однако еврейским девушкам, например, поступить на них было чрезвычайно сложно, что отчасти объясняет значительное число представительниц именно этой национальности среди студенток Женевского университета.

Пока швейцарским девушкам по-прежнему внушалось, что между мужчинами и женщинами знак равенства не стоит и стоять не должен, в Женеве стало появляться все больше молодых девушек и женщин, опровергавших этот постулат. Сравним несколько цифр. В 1880 году в Женевском университете обучалось 14 девушек, из которых лишь одна была швейцаркой, остальные – представительницы «востока». В 1896 году на медицинском факультете их было уже 73, и это число продолжало расти. Десять лет спустя, в 1906 году здесь училось уже 150 девушек, приехавших из Российской империи, и по-прежнему лишь одна швейцарка. В итоге с 1872 по 1914 год 480 русских студенток получили здесь диплом о высшем образовании. И только 22 швейцарки. А в 1882 году россиянка Ольга Гортинская первой среди женщин защитила кандидатскую диссертацию в области медицины. Швейцарке это удалось сделать лишь в 1900-м.

При этом диплом не гарантировал работу: женщинам-выпускницам университета трудно было устроиться по специальности. Первопроходцами и в этой области также стали представительницы Российской империи, получившие образование на медицинском факультете и по разным причинам осевшие в Женеве.

О некоторых из них, например, о Генриетте Салос-Жудра и о Нине Дайнов-Диккер Наша Газета.ch уже писала. К ним можно добавить Розалию Боград-Плеханову, жену Георгия Плеханова. Она училась на врачебных курсах в России, а когда вместе с мужем оказалась в Женеве, то в 1889 году получила диплом медицинского факультета Женевского университета. Розалия Боград-Плеханова была очень популярна среди русских эмигрантов и студентов, которых часто не только лечила, но и оказывала им всяческую помощь.

Женщины-врачи проложили дорогу тем, кто получил образование и в других областях знаний. Слава некоторых из них вышла далеко за пределы не только Женевы, но и Швейцарии – достаточно назвать имена Лины Штерн и Веры Богдановской.

Когда сегодня мы слышим разговоры о «засилье» русских студентов в некоторых учебных заведениях, небесполезно вспомнить это недавнее прошлое и привести множество примеров того, что в XIX – начале XX века русская молодежь из числа той, что, получив образование, не уехала на родину, а осталась в Швейцарии, зарекомендовала себя самым лучшим образом и внесла весомый вклад в развитие швейцарской экономики и науки. И не только швейцарской. Интересно, появятся ли через какое-то время аналогичные данные о вкладе сегодняшней русскоязычной диаспоры?

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
